

«НЕВЫГОДНЫЙ» РЕЖИССЕР

К чему приводят попытки вывести из застоя уникальный театр

ПОД ЗАНАВЕС 1983 года в Театро-студию киноактера пришел новый главный режиссер Евгений Ташков. Известно это увидели театралы. Заверш Ташкову, фильм которого — «Подорожье» — только что покорил телевизоры (а прежде было «Приходите завтра», «Майор Визирь», «Альбатус его превосходительства», «Уроки французского»), зачем сопрягать судьбу с театром случайного артефакта, билеты которого пролетают в нагрузку, в придачу к дефициту?

Сказать, что театр киноактера невысоко котировался у серьезных зрителей, — значит высказаться слишком широко. К началу 80-х годов его вообще как бы не было. Даже редкие удачные спектакли, как правило, проходили «беззвучно», почти незамеченными. Труппа постепенно раздулась до состава трех академических театров, слово в нее, как в лектецию, впивался все, и не успевая вылететь. В какой-то момент оказалась больше ста (!) актеров, старше 50 лет, в том числе почти 70 — пенсионного возраста. И два комсомольца. Не надо было человеком слыть, чтобы понять: это кризис. «Единственное в мире постоянно действующее театральное объединение киноактеров» (как с попятной гордо ступило сообщая в 1976 году Большая Советская Энциклопедия) преобразилось по словам известной актрисы Нины Мордюковой, в титану завод, в которой многим удобно. «Дела в быдла-сти?» Ну как это же? — В принципе оправдывает себя администрация. — Театр ведь для нас не главное. По официальному положению, наши артисты могут играть на сцене лишь в свободное от съемок время. О том, что артисты театральные это орудия служебные, точность, что ему просто нужны хорошие спектакли, администрация театра думала редко.

В этот странный коллектив Евгений Ташков пришел работать. Знал ли он, на что покусается? Конечно, знал — ведь сюда и до него приходили режиссеры с серьезными намерениями, хотя всех конфликтов предвидеть, конечно, не мог. Укрепляло то, что ответственные работники Госкомы с его программой и в принципе одобряли ее.

На чем же стоял Ташков? А вот на чем. Во-первых, студия киноактера, несмотря на свою «специфику» (необходимость обеспечивать кинопроизводство), должна стать полноценным театром. Во-вторых, поскольку тут киноактеры, в некоторых экспериментальных работах можно соединять театр и кино. В-третьих, следует возродить старую традицию театра киноактера — «переподать» лучшие спектакли в фильмы.

Программе мешали две-три неувязки. Артист подчиняется кинематографу, и на репетициях ведро кого-то не хватает. Значит, по мнению Ташкова, следовало разрешить артистам выбирать между кино и театром.

А для этого надо заинтересовать их экономически. Репетиции в театре никак не опла-

чиваются. Сидеть во время «просто» на буфаре или с утра до ночи занят в театре — получать те же 50 процентов от оклада — для немалую «выскарированную зарплату». А почему бы не платить хотя бы 75? Если мы в сфере материального производства считаем неприемлемой оплату во про труппу, то почему она должна быть приемлемой в сфере творческой? Логика казалась убедительной, в Ташков рассчитывал на поддержку. Однако... Постепенно выяснилось, что труппу терзают всевозможные течения. Кого-то (человек пятьдесят) полюбил Ташков укрепило в театре и даже привлекло к нему. Но большинству было ясно не до театра, в всякое оказание услуг, услышишь его прав в своих обязанностях перед яки и никак не устраивало. Некоторых до вполне творческим воображением: они много и успешно снимаются, им действительно некогда. Других — потому что сцена не дает «заработать», третьих — потому что они в конце не находят работы. «Мертвые души» — люди, которые два дня в году заняты в дубляже, чтобы все остальное время жить на «просто» вое. Во всяком театре есть артисты, радующиеся, если их не назначают на роль. Тут их оказалось больше, чем где бы то ни было.

Обнаружилось и еще олово «театральное»: артисты самые различные, обремененные высокими званиями, которые... И тут Ташков понял, что у искусства театра в этом театре есть еще олово мощных, практически непроходимых конкурент, что театр тут не на первом плане, а во втором, по крайней мере по значимости. Труппа примерно из 30 человек (в их числе Вина, Лалынина, Ларисовна, Моргунов, Рынков, Сараян, Людья Смирнова...), везено по главе с самим директором театро-студии А. Анощенко гастролировала с программой «Мы в кино» (5—7 минут выступлений «звезд», потом фрагменты, фрагменты...) и лавала более дружок представлявший в гол.

Все бы ничего: у артисты у дела и артистическая радость, если бы концерты не были жестко встроены в расписание театра. Редко или никогда могли «высвободиться» из репетиций и даже на спектаклях. Мы лезем на колени, валим по коридору и веским, чтобы прокричать театр. Мы зарабатываем для всех вас — так возвышал Анощенко эту политику. Они действительно немало зарабатывали, и не только в кармане театра, ибо за пять минут в концерте платят больше, чем за главную роль в серьезном спектакле. «Проезжал» в поездках тоже не грехи. Но в целом концерты лавала приносить (150—200 тысяч рублей в год) и позволяла свести общий баланс хозрасчетного театра киноактера в нуль.

СТОП! Но что же извещало ждало средства, да еще в таких количествах? Сотни тысяч! Естественно, содержание звания, технических служб — т. д. Но не только. Тут мы встречаемся с одним из парадоксов. Дело в том, что межтеатральная «простая» зарплата должна, по идее,

выплачиваться за счет «смажков» артистов. Но в последние годы число представителей театра-студии, которые пригласили в кино, резко упало. Анощенко, основной «назавале» которых — сплавались (и ради этого отодвинули на задний план театр), «Мосфильм» иногда чуть ли не сникло называла молодым режиссером. По статистике, киноактеры играют сейчас в кино только одну главную роль на четырех. Их кругом теснят актеры драматических театров...

Другим оправданием для концертов было то, что сцена театра тоже приносила некоторый убыток (еще бы сейчас приносить!). «Так в чем же загвоздка? Давайте сделаем ее реставляционной! — предложил Ташков. — Будем выпускать премьеры, интересные для зрителей, завали в них до возможности всех ведущих артистов. Если у нас гастролировать — то тоже со спектаклями. Это перспективное и творчески, и материально: многие артисты, играя в спектакли, обретут прекрасную форму, занят о себе и авали пригласит в кино. Тогда уменьшится выплата «просто» в кино...»

Однако эти планы, лавала была, авалие предположила весьма реакцию со стороны дирекции. Впрочем, что удивительного? Ведь от сценки ова не имела ничего, кроме хлопот. Для начала дирекция практически перекрыла собственной труппе возможность параллельной работы на двух площадках, хотя выездные спектакли приносили прибыль большую, чем «звездные» концерты. Реклама, которой и прежде не хватало жаловали (вет даже привычных фотозавоев и вход), стала вовсе исчезать.

За внешним видом звания (архитектурного памятника) и помещался промиссия дирекции. Вне всяких сомнений, это самый неожиданный театр в Москве. То и дело случались аварии. Дирекция отлавливалась косметическими ремонтами, поглотившими уйма денег, но ничего не судя не удачливости.

И еще: когда дирекция киноактера намечала сокращения, в список попадали и те артисты, в которых держится репертуар. Декорации для всех новых спектаклей бывала готовы лишь за несколько дней до премьеры. Из-за этого срывались все сроки. Служа спектакли растягивались на месяцы.

«Разные представления» о долге у творческих людей и администрации — промиссия дирекции. Нина Мордюкова — Назавала Ташкова — ну как дайте ему работать! Нет — не через промиссию. Поняно, когда эти промиссия — творческие. Но зачем же промиссия бессмысленность? Если Ташков уйдет из театра, начнется пора окончательно «встать».

А вот что рассказывала Валентина Теличкова, играющая в спектакле «Требую суда»: «В одной репетиции, по олово проговя не промиссия срывали по техническим причинам. Все — проблема. Все срывали не благодаря, а вопреки администрации. Дело в том, что не раз хотелось бросить работу, чтобы не мучиться. Уде-

жало только творческое горение Ташкова, его непогребимость во всех малодостойных инцидентах, которые окружали нашу работу».

Маленькие отступления. В этой истории немалое всего казалось благо-то представлял сверхположительным героем, а кого-то — черным злодеем. В театре, правда, пусть невзначай, не авалие ничего локте. Поэтому вполне можно допустить, что в на Ташкова кто-нибудь сюрпризно обидел. Но есть весьма правдивая правда работающего человека, и есть явная неправда — неясность, равнодушная. С этих позиций и следовало подойти к проблемам Театра киноактера. Подобны прежде всего тем людям в организациях, от кого он напрямую зависит: Госкино, «Мосфильм».

Увы, будучи в курсе всех дел и не выполняя гарантий, данных Ташкову, они предпочли легкий путь выжидания в неместечковости.

И МЕНО то «Мосфильм» и то Госкино завистлиously развивали этой истории. Ташков представлял для них трудную задачу в штат «Мосфильм» уйдут все т. кто не заинтересован в сцене. А театр — возможно, даже на правах особого творческого объединения при киностудии — должен жить по всем театральным законам.

Вот что сказал артист и кинорежиссер Игорь Ясулович: «Те самые деньги, которые мы сегодня зарабатываем в дорогах, рабочих местах, конторах (мы ведь считаем, сколько зарабатываем, но не считаем, сколько тратим), мы можем получить, перевали спектакли в фильмах и даже оборудовав в театре телерадиовидео, устройте экспериментальную студию для молодых режиссеров — выпускников ВГИКа. Сняли ленту — и предположили ее, положим, в кино. Пошли в кино. Значит, мы сами на фьюлов театра смогли финансировать следующую постановку».

«Требую суда» — шаг вперед в нашем театре. Но мы лишь в начале пути. Чтобы театр промиссия дальше, должны остаться только те, кто может и хочет работать. Зачем нам корнить бездельников? А пока мы живем от 17 до 20 — ежедневно в это время все мы авалием в дивертисментную «Мосфильм», чтобы узнать: нет ли на нас на завтра заказ от кинорежиссеров. И это создает среди артистов являющиеся настроения: «Мы должны все авалие в кино. У нас проблемы — мы обеспечивать вас работой». Из ВГИКа выхолот способные артисты, глядящие, через несколько лет — бездарные. Как же так? Значит, в петличке этого зрителя, в разрыв — у вас в театре. Не обработает человек гол-другой — вот и театральная квалификация... Пора кончать с жидководством, надо развивать творческую инициативу. Пришло время осознать себя творческими личностями и на холить с шротавутой рукой: «Дайте роль!» — в самом предлагать зрителям, киноактерам роль, фильмом, спектакли».

Пора кончать с жидководством!

Ю. ГЛАДИЛЬЩИКОВ.